

НАМЕДНИ

НАША ЭРА. 1931–1940

Леонид Парфёнов

Издательство
АСТ

AGEY TOMESH / WAM

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П18

Главный редактор
Варвара Горностаева
Редактор проекта
Дмитрий Зуев
Фоторедакторы
Гаянэ Арутюнян, Светлана Пухова
Ответственный за выпуск
Ольга Энрайт
Корректор
Любовь Федецкая
Технический редактор
Наталья Герасимова

Разработка художественного оформления и макета,
компьютерная верстка, обработка иллюстраций
и предпечатная подготовка – издательская группа
Agey Tomesh / WAM

Арт-директор
Арсений Мещеряков
Главный художник
Маша Люледжан
Дизайн
Дамир Залялетдинов
Группа верстки и цветоделения
Дмитрий Бирюков (руководитель), Галина Зайцева,
Владимир Семенов
Специальная фотосъемка
Роман Суслов
Координатор
Наталья Корнеева

Парфенов, Леонид

П18 Намедни. Наша эра. 1931-1940 / Леонид Парфенов. —
Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2017. — 224 с.
(Намедни. Наша эра).

ISBN 978-5-17-100364-7

Восьмой по счету, этот том книжного проекта
«Намедни» – про 1930-е. Среди событий-людей-явлений:
Большой террор и Битва за Британию, Ворошиловский
стрелок и «Веселые ребята», Гитлер и Голодомор,
«Золотой теленок» и «Закон о трех колосках», Каганович
и «Кукарача», «Краткий курс» и «Катюша», Павлик Морозов
и пакт Молотова-Риббентропа, Рузвельт и «Рабочий
и колхозница», Торгсин и тубетейки, убийство
Кирова и «Утомленное солнце», Хрущев и Халхин-Гол,
Циолковский и ЦПКиО.
В томе около 500 иллюстраций – фотографии, плакаты,
карикатуры, репродукции картин тех лет.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Л. Парфёнов, текст, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017
Издательство CORPUS ®
© Agey Tomesh/WAM, дизайн, вёрстка, 2017

Содержание

От автора	6
1931	8
1932	30
1933	54
1934	78
1935	102
1936	124
1937	144
1938	166
1939	178
1940	202

От автора

Из советского времени, воспринимаемого «своим» гораздо лучше дореволюционного, 1930-е – самые давние годы. Действительно «античный» СССР, от которого все пошло. Огосударствление любых сторон жизни, вождь, именем которого называют эпоху, принуждение населения к разным ударным кампаниям, назначаемые герои и злодеи, новое строительство старой империи. Это потом по-разному повторится снова и снова – каждый раз с оглядкой на «античный» образец. И даже признавая: тогда творились ложь и насилие – оттуда будут вести отсчет «нашего славного прошлого».

Для автора 1930-е с детства жили в разговорах взрослых. «Помню, до войны» – начинали тогда речь люди зрелых лет. В глубинке еще и в 1960-х заводились патефоны с пластинками на 78 оборотов в минуту. Пенсионеры не признавали электрических утюгов – только нагреваемые на плите чугунные. У бабушки-учительницы в старой методичке чернел заштрихованный портрет, но подпись сохранилась: «А.С. Бубнов» – репрессированный нарком просвещения РСФСР. Про своего отца, в 1931-м раскулаченного, а в 1937-м расстрелянного, бабушка повторяла: ведь ничего за ним не было и быть не могло! Подозревала бывших соседей

по деревне Ёрга – может, они в НКВД написали. Документы по обоим делам прадеда стали доступны в 2000-х. Доносчики там не указаны.

Восьмой по счету том «Намедни» выходит в год 100-летия Октябрьской революции. Как отмечать юбилей, да и чем вообще был СССР в отечественной истории? – все еще дебатруемые вопросы. Советскому периоду посвящена большая часть этого проекта. Чтобы относиться – давайте осваивать.

Счастливо!

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'Медведев' (Medvedev), written in a cursive, stylized script.

Слева направо: бабушка – Екатерина Дмитриевна Шматинина (Кустова), дед – Андрей Михайлович Шматинин, дядя – Виталий Андреевич, мама – Альвина Андреевна, 1940

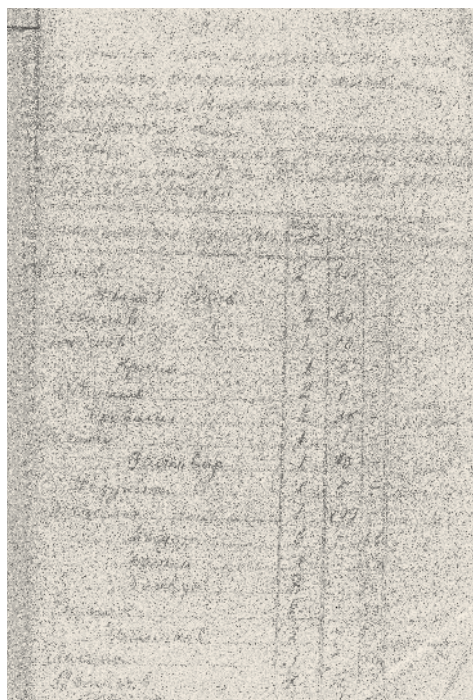
Бабушка – Анна Васильевна Парфёнова (Подходова) и отец, Геннадий Викторович, 1935

Все фотографии
сделаны в ателье артели
«Пролетарий».
Город Череповец,
с 1937 года –
Вологодская область,
Советский проспект, 53

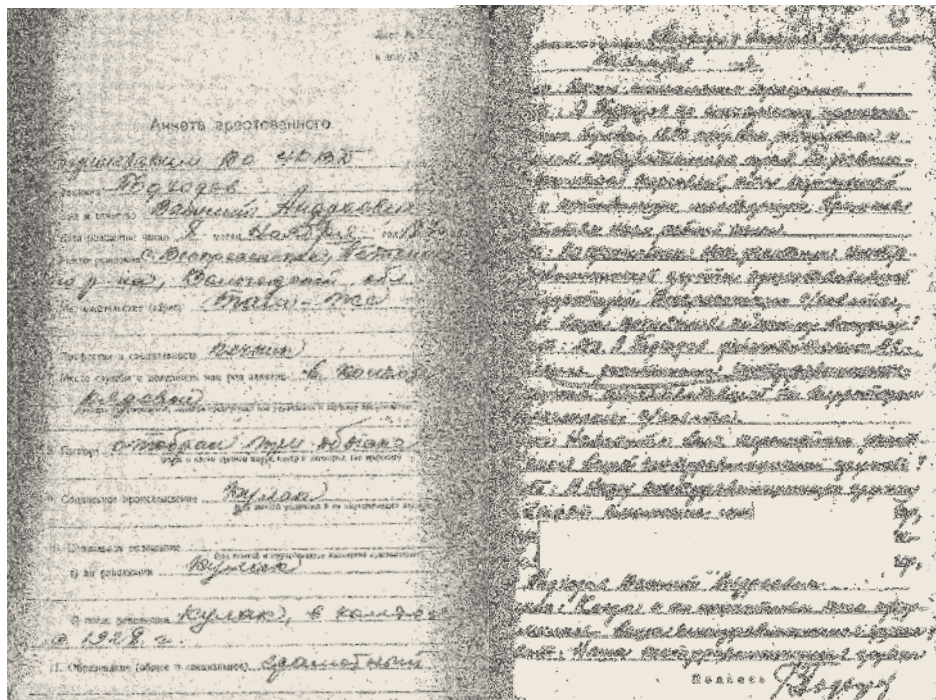

Дед – Виктор Николаевич Парфёнов, 1934

Посвящается моим родителям и их родителям

Опись имущества при раскулачивании прадеда Подходова Василия Андреевича (см. «Ликвидация кулачества как класса», 1931)

Анкета арестованного прадеда и протокол допроса с признанием участия в «контрреволюционной группе, существовавшей на территории Воскресенского сельсовета» (см. «Большой террор», 1937)

19

31

- 10 Отмена частной торговли
Всесоюзная карточная система
- 11 Потоп в Китае
- 11 В Испании свергли монархию
- 12 Эмпайр-стейт-билдинг
- 13 В СССР запрещен Рахманинов
- 14 Ликвидация кулачества как класса
- 17 «Путевка в жизнь»
- 18 Торгсин
- 19 «Золотой теленок»
- 19 6-дневка
- 20 Физкультурные парады
- 21 Оскар Строк. Петр Лещенко
- 22 ГТО
- 22 Япония захватила Маньчжурию
- 23 Трест «Дальстрой»
- 24 Взорван храм Христа Спасителя
- 28 Продажа шедевров за границу
- 29 Дом правительства

Очередь перед магазином, чтобы отоварить карточки

Образцы продуктовых карточек

Отмена частной торговли

Всесоюзная карточная система

Вместо торговли в СССР теперь – снабжение. Изогнренная система карточек регламентирует: кто, где, что, сколько и почем может купить из продуктов и промтоваров

С года «великого перелома», 1929-го, правительство быстро «свертывает нэп», изгоняя предпринимателя из всех отраслей. Установлена госмонополия на любые сырьевые, товарные и денежные ресурсы. 11 октября 1931-го запрещают частную торговлю – кроме рынков. Крестьянство в результате коллективизации тоже становится государственно-колхозным, и продовольственный кризис со снабженческим грянули вместе. Карточки поначалу вводили на местах, чтобы, поделив присланные центром «фонды», гарантировать населению минимальное пропитание. Теперь еды уже не хватает в столицах, и систему распределения делают единой для всего СССР.

Города разбиты на четыре списка. Лучше всех обеспечиваются главные промышленные центры, а в них – люди, занятые в тяжелой промышленности. Шахтеры Донбасса и бурильщики Каспия могут купить в месяц 3 кг мяса, 2 кг рыбы, 1,2 кг сахара, 2,4 кг крупы, 400 г масла. А в текстильной Ивановской области рабочим первой категории положено по 0,5 кг мяса, 1,5 кг рыбы, 1 кг крупы и 0,8 кг сахара, а остальным – только 1 кг рыбы и 400 г сахара (см. «Вичугский бунт», 1932). Причем от снабжения основного кормильца семьи зависят карточки, выдаваемые на его детей: ребенку швеи достается меньше, чем ребенку сталевара. Товарные квоты сокращаются, всюду ежеквартально пересматривают пайковые нормы и меняют комбинации причитающихся продуктов. Стихотворение Николая Олейникова «Неблагодарный пайщик» написано в 1932-м:

*Когда ему выдали сахар и мыло,
Он стал добиваться селедок с крупой.
...Типичная пошлость царя
В его голове небольшой.*

Особое обеспечение Москвы и Ленинграда контролирует Политбюро. Кремлем ранжированы магазины-распределители союзных и республиканских ведомств и разряды приписанной к ним элиты. Высшая знать, жильцы Дома правительства (см. 1931), могут ежемесячно получить в своем спецгастрономе 4 кг мяса, 4 кг колбасы, 8 кг рыбы, 3 кг сахара, 1 кг кетовой икры, а молочные продукты, овощи, фрукты для них «отпускаются» без ограничений. На Москву, где 2% населения, приходится 20% госпродовольствия. Столице и Ленинграду достается треть промтоваров страны. С этого времени несколько советских поколений будут совершать в два главных мегаполиса паломничества за покупками.

Уровень обеспечения местных руководителей зависит от важности региона и, разумеется, от занимаемого поста. Добротные пайки – у военных и чекистов, а их начальники входят во властную номенклатуру. Деятели науки и культуры подкармливают только в столицах, и живущему в Тамбовской области «народному академику» Мичурину (см. 1932) масло, сыр, конфеты выделяют особо. Учителя и врачи в городах обычно приравнены по карточкам к рабочим первой категории, их коллеги в деревнях – ко второй. Из занятых в сельском хозяйстве более-менее регулярно снабжают специалистов МТС, агрономов, ветеринаров. Колхозникам городские товары поставляют чаще «целевым назначением» – например, сахар за дополнительно сданный лен. Даже лояльные власти активисты пишут жалобы: в сельмагах нет мыла, ниток, соли. Вывозя продукты на рынок, крестьяне предпочитают не продавать их – на одни деньги почти ничего не купишь, – а обменивать на вещи. Туго приходится «лишенцам» – бывшим дво-

рянам, буржуа, священникам. Уцелевшие «представители чуждых классов», помимо гражданских прав, лишены и карточек.

Упразднив торговца-частника, советское государство само стало «коммерсантом», установив, кроме цен, по которым отовариваются карточки, «коммерческие» – в два-три раза выше. По ним продажа свободная. К 1934 году коммерческую торговлю хлебом введут в 746 населенных пунктах, то есть во всех городах и крупных поселках. На ткани, одежду и обувь устанавливают «средне-» и «сильноповышенные» коэффициенты в зависимости от спроса. Зато в распределителях для госаппарата цены даже ниже «карточных» – тот, кто лучше всех снабжается, еще и меньше всех платит. Снабжение определяет ранг столовых, больниц, санаториев, детских садов, дачных поселков, особых вузов вроде совпартшкол и проч. При этой запутанной иерархии допуска к благам процветает черный рынок, дельцы которого могут жить лучше советских вельмож.

Карточки подделывают и перепродают. К закрытым распределителям прикрепляются за взятки, по родству или знакомству. Это называется «по блату», и присказка «блат главнее Совнаркома» указывает – кто действительно правит страной. Продукты расхищаются при перевозке, на складах, в торговле, в общепите. Несуны воруют со своих предприятий. Из-под прилавков реализуется «левый» неучтенный товар. Столичные вокзалы полны мешочниками, вывозящими за день тысячи пудов хлеба. По донесениям НКВД, рынки «наводнены спекулятивным элементом», с которым безуспешно борется комиссия члена Политбюро Рудзутака. В год за спекуляцию судят свыше 100 тысяч человек, устраивают показательные процессы с расстрелами – ничего не помогает. В середине десятилетия карточки отменяют, но товарный дефицит неодолим, торговля свободной не станет и нормирование «в одни руки» сохранится.

Потоп в Китае

Стихийное бедствие с самым большим в мировой истории числом задокументированных жертв: из-за разлива рек в Китае гибнет 3,7 миллиона человек

Самому населенному району планеты – низовьям великих рек Хуанхэ и Янцзы – затопления грозят постоянно. Регулируя уровень воды, здесь веками строили тысячи дамб и каналов. Но русла мелеют из-за наносов, берега пологие, а окрестные долины – плоские, и предотвратить разливы невозможно. После трех лет засухи в июле-августе 1931-го идут обильные муссонные дожди, небывало часто приходят циклоны, а на озеро Гаю обрушился тайфун. Гидросооружения прорвало разом во многих местах, а дальше – принцип домино: страшные потоки льются

Разлив реки Янцзы в провинции Хубэй

с нарастающей силой и смывают на своем пути все. Почти разрушен Нанкин, тогдашняя столица страны.

Сотни тысяч людей утонули сразу, выжившие голодают, их косят тиф и холера. Без крова мучаются до 40 млн человек. Силы правительства невелики, а оно еще ведет войну с японцами и армией коммунистов. Китаю помогают спасательные миссии из-за границы. Самый знаменитый волонтер – прославленный американский летчик Чарльз Линдберг. Он доставляет медикаменты в отдаленные затопленные местности, приводняясь там на своем личном гидроплане.

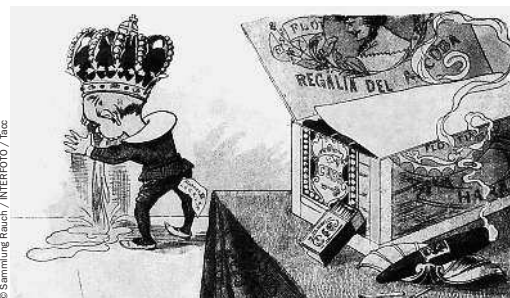
Вода не спадает месяцами. На восстановление дамб власти мобилизуют 2 млн человек. Отчасти победить наводнения в Китае смогут, достроив на Янцзы гигантскую ГЭС «Три ущелья» – это произойдет в 2012 году.

В Испании свергли монархию

Бывшая великая держава снова привлекает внимание остального мира. Изгнав короля, Испания вступает в полосу политических конфликтов, которые приведут к гражданской войне

Некогда гигантская колониальная империя окончательно рухнула еще в конце прошлого века: проиграв войну США, Испания лишилась Кубы, Филиппин, Гуама и Пуэрто-Рико. Страна бурлит: забастовки рабочих, недовольство войной в Марокко, сепаратизм в Каталонии,

Стране Басков и Галисии, теракты анархистов, а в полуфеодальном государстве король Альфонс XIII продолжает менять премьеров от двух монархических партий. В 1923 году при попустительстве короля военные совершают переворот, но и диктатура генералов не может справиться с кризисом.

Карикатура на короля, бежавшего из Испании

На муниципальных выборах 12 апреля 1931 года в целом по стране небольшой перевес имеют монархисты, зато во всех крупных городах побеждают республиканцы. Революции делаются в столице: на улицах Мадрида военные не в силах разогнать манифестантов, требующих отречения короля, и 14 апреля Альфонс XIII покидает страну. В тот же день образовано временное правительство. На выборах в Учредительное собрание республиканцы набирают почти 90%, а самая большая фракция – у социалистов.

Введен 8-часовой рабочий день, начат выкуп земли у латифундистов для передачи ее крестьянам, Католическая церковь отделена от государства, предоставлена автономия Каталонии. После новых выборов в 1933-м кабинет образуют консерваторы, которые свернут реформы. Но еще через два с половиной года свое правительство сформирует левый Народный фронт, против которого поднимут мятеж военные, и начнется трехлетняя гражданская война (см. 1936).

Уличные беспорядки в Мадриде

Эмпайр-стейт-билдинг

В Нью-Йорке построен самый знаменитый и самый высокий вплоть до 1970-х годов небоскреб, символ Америки для всего мира

При дороговизне манхэттенской земли возводить на ней огромные башни стали еще в XIX веке. В 1890 году 20 этажей Уорлд-билдинг поднялись на 94 метра, стометровый рубеж преодолен в 1894-м, двухсотметровый – в 1909-м, а законченный в 1913 году Вулворт-билдинг 17 лет пробудет самым высоким домом в мире: 241 метр, 60 этажей. В Европе тогда более 6 этажей строить было не принято.

Теперь два года рекордсмены лихорадочно сменяют друг друга. Сначала лидирует башня с адресным названием Уолл-стрит, 40: 71 этаж, 283 метра. Но в этом же 1930-м автоконцерн «Крайслер» заканчивает свой офис, причем его высота до последнего дня держится в тайне. Наконец, миру явлено новое достижение: 77 этажей, 319 метров! Застройщик еще возводимого Эмпайр-стейта (ЭСБ) Джон Раскоб соревновался с Крайслер-билдингом, долго не зная – какой результат он должен превзойти. Первоначальный проект ЭСБ предусматривал 85 этажей, но их число решено увеличить до 102. На углу Пятой авеню и 34-й стрит самая высотная стройка планеты идет всего 13,5 месяца. Когда приступили к сборке каркаса, громада стала расти на 4 этажа в неделю. Пятеро строителей погибли, упав с лесов, – сравнительно немного: пресса предвещала по одной жертве в каждую смену.

Эмпайр-стейт-билдинг открывают 1 мая 1931-го. 381 метр до крыши (и 443 метра до вершины достроенного потом шпиля) – абсолютное достижение, к которому долгое время никто не посмеет даже приблизиться.

Прежде всего – невыгодно: объект обошелся в немыслимые по тем временам \$41 млн, а из-за экономической депрессии на большинство его офисных площадей не находится арендаторов. Приносить прибыль супернебоскреб начнет только в 1950-м, а еще через год его продадут за \$51 млн (что в паритетном пересчете гораздо дешевле цены строительства). Шпиль не сможет стать причальной мачтой для дирижаблей: на такой высоте слишком сильные ветры. Да и век воздушных гондол скоро кончится (см. «Катастрофа “Гинденбурга”», 1937). Зато через установленную на макушке антенну Радиокорпорация Америки (RCA) начала вести телетрансляции уже в декабре 1931-го.

По архитектурному и инженерному воплощению экстерьера ЭСБ – манифест нового зодчества: лапидарный ар-деко, никакого украшения, по известняковым плитам облицовки тянутся ввысь полосы нержавеющей стали. Колоссальный стройный шпиль, монохромный и роскошный, манящий и зловещий. 67 лифтов развозят тысячи клерков и десятки тысяч посетителей головокружительных смотровых площадок на 86-м и 102-м этажах. Безупречно работают паровое отопление и кондиционирование, в трехэтажном холле светятся панно: семь чудес света и ЭСБ – как восьмое.

В России и СССР отношение к небоскреbam пока отрицательное. Мол, подавляющие человека монстры, символ чуждого нам бездуховного Нью-Йорка, «города Желтого Дьявола» (М. Горький), «железного Миргорода» (С. Есенин). Но авторы «Одноэтажной Америки», главной советской довоенной книги про заокеанскую жизнь, Илья Ильф и Евгений Петров восхитятся ЭСБ:

Душа холодела при виде благородного, чистого здания, сверкающего, как брус искусственного льда.

Желая продемонстрировать превосходство социализма над капитализмом, в Москве утвердят проект циклопического Дворца Советов (см. 1933). Особо указывается: это будет самое большое здание в мире, то есть выше ЭСБ – 420 метров до крыши и почти полкилометра вместе с памятником Ленину. Дворец не осилит, но после войны сталинскую мечту о советских небоскребах воплотят семь «высоток» (см. 1952). До рекордных отметок эти московские башни не дотянутся, зато они выполнены в классических и национальных традициях зодчества.

Эмблемой Нью-Йорка и США ЭСБ оказался сразу. В западный масскульт он вошел с фильмом «Кинг-Конг» (1933): чудовищная горилла лезет по небоскребу, атакуемая самолетами. Самым высоким зданием мира ЭСБ перестанет быть в 1972-м, с постройкой нью-йоркских «башен-близнецов» Всемирного торгового центра (см. «11 сентября», 2001). Потом состязание в «небоскребности» переместится в Азию: Куала-Лумпур, Гонконг, Шанхай, Абу-Даби. «Внеконкурсный статус», наконец, примирит ЭСБ и Крайслер-билдинг: в XXI веке оба они – изящнейшие памятники стиля своей эпохи.

Слева: супернебоскреб высится над Нью-Йорком, Америкой и всем миром

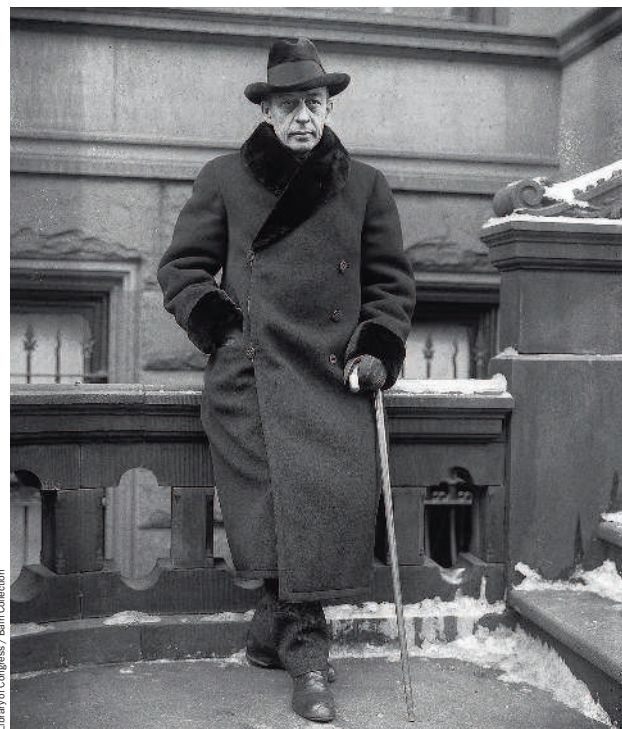
В СССР запрещен Рахманинов

Живущий за границей великий русский композитор подписал критикующее СССР печатное заявление. Рахманинова на родине решено больше не исполнять и не издавать. Запрета ослушается только главный дирижер Большого театра

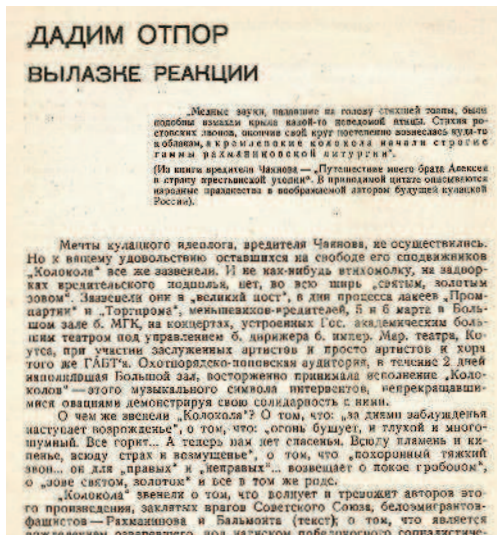
Сергей Рахманинов эмигрировал уже в конце 1917 года, жил в Швейцарии и США. Никогда не делал политических заявлений – возможно, из опасений за оставшихся на родине мать и брата. Но в начале 1931-го подписывает коллективное письмо «Тагор в СССР» (полемика с индийским писателем, пропагандистом советских достижений). Текст напечатан в «Нью-Йорк Таймс» 15 января. Реакция последовала, когда 5 и 6 марта в Большом зале Московской консерватории оркестр и хор Большого театра исполнили симфоническую поэму Рахманинова «Колокола» на стихи Эдгара По в переводе Константина Бальмонта, ныне тоже эмигранта. Видимо, властные инстанции довели содержание американского письма до лояльной музыкальной общественности и заказали проведение пропагандистской кампании.

Журнал «За пролетарскую музыку» выходит с подборкой публикаций. В эпиграф «установочной» статьи «Дадим отпор вылазке реакции» вынесена цитата «из книги вредителя Чайнова» (автор к тому времени посажен, а вскоре будет расстрелян) «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» – там «кремлевские колокола начали строгие гаммы рахманиновской литургии». Саму поэму журнал называет «музыкальным символом интервентов», с которыми солидарна «охотничья-поповская аудитория, в течение двух дней наполнявшая Большой зал». Рахманинов и Бальмонт аттестуются «заклятыми врагами советской власти, белоэмигрантами-фашистами». Далее следует заявление партийно-комсомольского собрания Высшей музыкальной школы имени Ф. Кона (польский и русский революционер) – так в это время называется Московская консерватория. Исполнение «Колоколов» «в момент обостренной классовой борьбы» оценено как «попытка сплочения и организации враждебных нам сил реакции». Третья заметка – единогласное постановление общего собрания педагогов и студентов бывшей консерватории. Коллектив требует «прекратить исполнение и печатание творчества матерого врага советской власти – белогвардейца Рахманинова». В связи с «контрреволюционным выступлением» правление «Музгиза» (Музыкальное государственное издательство) постановляет запретить «перепечатку произведений Рахманинова», а выпущенные ноты – «изъять из продажи».

Однако дирижер Большого театра Николай Голованов (вызвавшие скандал концерты

Эмигрант Рахманинов в Нью-Йорке

Публикация в журнале «За пролетарскую музыку»

проходили не под его управлением) продолжит исполнять «композитора-белоэмигранта». «Колокола», конечно, пока невозможны, но звучат «Три русские песни», «Утес», Вторая симфония. Романсы Рахманинова и арию из оперы «Франческа да Римини» поет жена Голованова, Антонина Нежданова. Полная советская реабилитация произойдет во время войны, когда сборы от своих концертов Рахманинов будет передавать на закупки медикаментов для Красной армии.

Ликвидация кулачества как класса

Кулак – враг советской власти наряду с самодержавием и религией

В результате «сплошной коллективизации», по мнению властей, создано «самое крупное сельское хозяйство в мире». Покончено с кулаком и вообще с единоличником, колхозник превратился в «центральную фигуру социалистического земледелия». 60 лет, до конца строя, продлится в стране продовольственный кризис

Власть больше не ищет «союза с мужиком» – крестьяне, абсолютное большинство населения страны, рассматриваются как средство для достижения цели, а то и как препятствие на пути к ней. В ноябре 1930-го принято постановление Политбюро «Об усилении налогового нажима на явно и скрытно кулацкие элементы». «Скрытными» чаще всего оказываются середняки. Теперь единоличные крестьянские хозяйства с доходом 500–700 рублей должны будут отдать казне до 90% средств, а при доходе 700–1000 рублей – 120%. Декабрьский 1930 года пленум ЦК повышает «директивы по контрольным цифрам» – в новом году колхозы должны составить преобладающее большинство сельхозпроизводства. Обобществление вместе с землей личного инвентаря, скотины и даже домашней утвари впредь не будет считаться «перегибами».

Уже зимой результаты нового хозяйствования сказываются в животноводстве. После выполнения «любой ценой» плана хлебозаготовок 1930 года начался падеж колхозного скота от бескормицы и нерадения. 16 января 1931-го в переписку со Сталиным вступает Михаил Шолохов – единственный видный советский деятель, живущий на селе, в родной станице Вешенская: «Положение в районах б. Донецкого округа без преувеличения – катастрофическое». Автор уже прогремевших на всю страну двух томов «Тихого Дона» подробно пишет про угрозу «безлошадности» – это казачьего-то края! В «Новопавловском колхозе из 180 лошадей <...> 113 подохло», в колхозе «Красный маяк» «ездят только на четырех», поскольку «лошади не в состо-